

<https://proza.ru/2019/03/18/1111>

Молчанов Е. О Зубре, и не только о нем — [текст электронный] — 18.03.2019 // Проза.ру: [сайт – российский литературный портал] — URL: <https://proza.ru/2019/03/18/1111> (Дата обращения 8.12.24). — первая публ. (ЭАНП 5636): Молчанов Е. О «Зубре» и не только о нем // Дубна. - 1988. - 6 янв., № 1 (2890). - С. 7.

18.03.2019

N.W. Timofeeff-Ressovsky. R.I. Gabrielian. Miassovo, 1961 /Collection of V.I. Ivanov/

О ЗУБРЕ, И НЕ ТОЛЬКО О НЕМ

Евгений Молчанов

Прошедший год порадовал и взволновал читателей: мы охотились за только что сошедшими с печатных машин новыми и впервые увидевшими свет романами и повестями, в которых впервые поднимались закрытые прежде темы, звучала правда о трудном и трагическом времени, еще не ставшая достоянием учебников истории. Просипи у друзей, знакомых и знакомых знакомых «на ночь» новый номер литературно-художественного журнала, читали и спорили, находили единомышленников и оппонентов.

Нельзя отказать новым книгам, о которых литературные критики уже сказали свои первые слова, в том, что они сыграли в обществе роль катализатора процессов гласности и демократизации. С таких позиций и шла речь о повести Даниила Гранина «Зубр», опубликованной в 1987 году в журнале «Новый мир» и уже вышедшей отдельной книгой в ряде издательств страны. Вечер, который организовали книголюбы Объединенного института ядерных исследований (это общество переживало тогда пик популярности), назывался так: «Н. В. Тимофеев-Ресовский. Портрет ученого». (Впечатления о повести Д. Гранина «Зубр». Комментарии и воспоминания). Во встрече приняли участие ученики Н. В. Тимофеева-Ресовского – И. Д. Александров, Н. В. Глотов, В. И. Корогодин.

«И дышат почва и судьба»

Если в одной поэтической строчке может уместиться всеобъемлющая характеристика большого, ни на кого не похожего человека, то именно этими словами Бориса Пастернака можно было бы охарактеризовать ученого, о котором шла речь на встрече. Отпрыск древнего дворянского рода, красноармеец в годы гражданской войны, студент Московского

университета, он был рекомендован профессором Н. К. Кольцовым и направлен в Германию в 1925 году для создания советско-немецкой генетической лаборатории в Институте мозга. директором которого был профессор Фогт, друг Советского Союза. Прошло немного времени, и его имя стало широко известным в мировой науке. Вернадский, Эйнштейн, Бор, Гейзенберг, Вавилов и другие – вот круг его коллег, где он был принят на равных.

Неповторимость судьбы героя книги Д. Гранина, пишут критики, состоит в том, что головокружительные водовороты истории словно бы обтекают его, не вовлекая до конца в свой стремительный поток. То и дело спрашиваешь себя: «Неужели такое возможно?». Такая внутренняя свобода и такое победное противостояние обстоятельствам, такая верность себе без тени тактических компромиссов и расчетов, такая решительная отстраненность от политики даже посреди мировой войны в самом центре фашистской Германии? Не возникает никаких сомнений в патриотизме замечательного русского ученого, но некоторые вопросы все равно остаются. И сам автор не скрывает, что ему не дано до конца понять эту натуру, выламывающуюся из любых привычных представлений, не знающую себе подобных, вызывающую у разных людей почти весь спектр действенных и сильных чувств,

Многое из того, о чем говорилось на этом вечере, было в книге Д. Гранина. Многого не было. Собственно, первые ассоциации возникли уже когда, открывая вечер, доктор физико-математических наук Гарий Владимирович Ефимов высказал несколько мыслей о личности ученого, его нравственных качествах. Он вспомнил о 50-х годах: «Нам тогда казалось, что все можно объяснить, что наука всемогуща. Мы еще не догадывались о нравственных потерях, к которым могут привести «победы» в науке. А вот как об этом времени — у Гранина:

«...Строился город физиков в Дубне, атомная станция в Обнинске, институты в сибирском Академгородке. На физическом факультете были неслыханные конкурсы поступающих. Шли кинокартины о физиках, со сцены слышалось: «Эйнштейн», «протон», «кванты», «цепная реакция»... Физики были героями дня».

Многие из собравшихся на встрече вышли из того времени. И потому так важен был этот временной камертон. Но еще важнее оказалась нравственная основа исканий ученого, ярко проявившаяся в самобытной личности и удивительной судьбе героя повести Д. Гранина. Если сказать несколько слов о его учениках, пришедших на встречу, – это тоже будет о нем, потому что, по Гранину, «когда они начинали говорить о Зубре, во всех них что-то светилось...».

Продолжая дело Учителя

Игорь Донатович Александров, старший научный сотрудник НИИ медицинской радиологии АМН СССР в Обнинске, (ныне работающий в Лаборатории радиационной биологии ОИЯИ в Дубне – прим. автора) по образованию врач. Окончил аспирантуру, занимаясь изучением действий радиационных излучений на лимфоциты, работал у академика Н. П. Дубинина над проблемами радиационной генетики. Перешел в лабораторию радиационной генетики Н. В. Тимофеева-Ресовского, «переквалифицировался» на дрозофил.

«Если бы я писал научно-популярную книгу (это снова Д. Гранин), я бы прежде всего воспел дрозофилу, сочинил бы нечто вроде оды этому насекомому, верному помощнику тысяч генетиков начиная с 1909 года. Оду за ее откровенность. Или за ее болтливость. Болтливый объект, который хорош тем, что так плохо хранит тайны природы. Трудно оценить, какую большую службу сослужила дрозофила науке. Если сочли возможным поставить памятник павловской собаке, то следовало бы увековечить и нашу благодарность моргановской мухе дрозофиле...».

Проверяя некоторые данные, полученные Учителем, И. Д. Александров открыл тему нового большого исследования: сравнительная устойчивость к облучению генов и хромосом у

дрозофил разных генотипов. Он остался в Обнинске единственным из учеников Николая Владимировича. А первая его встреча с Учителем происходила не защите докторской диссертации Н. Н. Воронцова (это имя можно найти в повести Гранина). Он знал, конечно, о вкладе Николая Владимировича в отечественную и мировую генетику, был, так сказать, идейно подготовлен. Но в первый момент особое и неизгладимое впечатление на него произвели раскрепощенность и огромная внутренняя свобода ученого.

Николай Васильевич Гловатов учился в Свердловском медицинском институте и был студентом второго курса, когда услышал, что на физтехе Уральского университета «какой-то Тимофеев-Ресовский» читает лекцию о генетике. Когда лектор свободно присел на краешек стула, студент сначала удивился. Прислушался... почувствовал: что-то произошло, возник удивительный контакт. Впервые он увидел и услышал человека, которому была присуща абсолютная внутренняя свобода: «В нашем-то поколении никто этого не воспитывал...». Сейчас Н. В. Гловатов — доктор биологических наук, профессор, заведующий лабораторией генетики растений Института биологии Ленинградского университета (скончался в 2016 году – прим. авт.). Тема его работы – генетика популяций диких растений. В 1962 году он окончил Свердловский медицинский институт. Еще на курсе начал читать лекции по статистике, за что и был прозван Н. В. Тимофеевым-Ресовским «профессором». С этим шутивным прозвищем поступил на работу к нему в Обнинск. Кандидатская диссертация была посвящена дрозофиле. Написал несколько монографий.

В последние свои годы Н. В. Тимофеев-Ресовский увлекался генетикой популяций. Это один из подходов к исследованию экологических проблем. И сейчас возникла идея организовать для разрозненных специалистов, которые изучают сходные проблемы, Всесоюзную школу-семинар по генетическим основам надежности биоценозов, привлечь способную молодежь. И еще идея есть у Н. В. Гловатова: взять под «научный контроль» освоение одного из новых нефтяных районов Сибири – от «нулевого» цикла до полного промышленного освоения, сравнить изменения, происходящие в природной среде в результате направленного воздействия человека. Так еще исследователи не ставили вопрос, но именно такая постановка позволит давать научно обоснованные рекомендации при планировании будущих новостроек.

Владимира Ивановича Корогодина в Дубне представлять не надо. Ученик и последователь Н. В. Тимофеева-Ресовского, он работает ведущим научным сотрудником в секторе биологических исследований ОИЯИ (похоронен в Дубне в 2005 году – прим. автора). Кстати, внимательные читатели институтской газеты еще 15 октября 1986 года могли прочесть в его интервью: «Мой учитель профессор Н. В. Тимофеев-Ресовский говорил, что, когда начинается какое-то новое дело, надо обязательно знать; «почему сие важно в-пятых». И не надо размениваться на мелочи...» – и сразу же, с первых страниц «Зубра», понять, о ком идет речь!

Кстати, есть читатели, считающие героя повести вымышленным, не верящие, что жизнь может быть богаче на сюжеты, чем писательское воображение.

Учёный — и тем интересен

Как же оценивают ученики Зубра повесть? Неоднозначно. По общему мнению, Даниил Гранин пробил стену молчания вокруг имени и дела одного из основоположников радиационной генетики. И это был мужественный гражданский поступок. Писателю удалось воссоздать очень колоритный и узнаваемый образ человека. Тимофеевские «байки», колорит его речи, богатая замечательными биографиями история роде Тимофеевых, авторские ремарки, создающие эффект присутствия, — мастерству Д. Гранина, который свежо и остро донес это до читателя, воздали должное. На этом и остановились, вспомнив В. Маяковского: «Я поэт и этим интересен». Тимофеев-Ресовский – ученый, и тем интересен прежде всего. А у читателя после

знакомства с «буховским» периодом его творчества, безусловно, очень важным, не случайно ставшим смысловым центром повести, остается впечатление, что, вернувшись в Отечество, Тимофеев-Ресовский ученый как бы умирает... Так передавали свои впечатления о книге те, кто в то самое время работал с ним вместе. И, отвечая на естественные вопросы дубненской читательской аудитории — а каков же вклад Зубра в биологическую науку (ясного ответа на этот вопрос повесть не дает, так же как не ясно, а какими же конкретными научными изысканиями занимался герой другой повести Д. Гранина — профессор А. А. Любищев), ученики Тимофеева-Ресовского выделили основные научные концепции ученого, которые развиваются в целом ряде работ современных исследователей. Это теория мутационного процесса; синтетическая теория эволюции (микроэволюция); фенотипика (связь признаков биологических объектов с генами), количественная радиобиология... Этого бы хватило для многих исследователей.

Научная деятельность Николая Владимировича в Советском Союзе после его освобождения из лагеря была исключительно напряженной и плодотворной и представляла собой естественное развитие всех этих направлений. Ученики выделяют два периода: уральский, когда он заведовал лабораторией биофизики в Институте биологии Уральского филиала Академии наук СССР, и обнинский, где он с 1963 года возглавлял отдел общей радиобиологии и радиационной генетики. В это время Николай Владимирович и его сотрудники выполнили большое число фундаментальных исследований, написаны его основные монографии по радиобиологии, генетике популяций, по теории эволюции. На это же время приходится обширная лекционная деятельность Николая Владимировича — он регулярно читает доклады и циклы лекций в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Ереване и других городах. К нему в отдел и просто домой приезжают известные ученые и молодые специалисты из разных городов России, Украины, Белоруссии, Армении, Таджикистана. Бывшие аспиранты и сотрудники Тимофеева-Ресовского сейчас возглавляют ряд институтов и лабораторий в этих республиках.

У него было много врагов. Врагов реальных, в отличие от «опереточного злодея» Д. (так окрестил В. И. Корогодина этот зашифрованный персонаж повести, который, очевидно, понадобился писателю, чтобы более контрастно показать нравственно-философские позиции своего героя). И эти реальные враги делали все, чтобы окружить его имя холодом недоверия, не дать работать в полную силу. Вынужденными были уход Николая Владимировича на пенсию из Института медицинской радиобиологии в Обнинске и последовавшее за этим расформирование руководимого им отдела. Причем бывшие его сотрудники перешли, часто с повышением, в институты Москвы, Ленинграда и Новосибирска.

Но и друзей тоже было немало. Прежде всего — директор Института медицинской радиобиологии АМН СССР академик АМН СССР Г. А. Зедгенидзе, сумевший создать для Николая Владимировича и руководимого им отдела обстановку максимального благоприятствования и психологического комфорта. Академики В. А. Энгельгардт, Б. Л. Астауров, крупные генетики А. А. Прокофьева-Бельговская, М. Е. Лобашов, Б. Н. Соколов, Н. Н. Сидоров, В. В. Сахаров, В. Н. Эфроимсон и другие постоянно окружали Николая Владимировича вниманием, часто гостили в Обнинске. Как и в описанные Граниным «буховские» дни, он постоянно был центром притяжения. Большую поддержку оказывал Николаю Владимировичу академик О. Г. Газенко, директор Института медико-биологических проблем Минздрава СССР, который пригласил его консультантом в свой институт. Здесь Н. В. Тимофеев-Ресовский принимал участие в планировании и анализе генетических экспериментов в космосе и разработке замкнутых экологических систем. И именно О. Г. Газенко сказал на гражданской панихиде в Обнинске, что роль Тимофеева-Ресовского и его школы в науке с течением времени будет все более возрастать и все лучше осознаваться.

Так нам становилось все более понятно, что «Зубр» вовсе не дает полного представления об очень важном периоде жизни ученого, в котором можно найти ключ ко многим обстоятельствам, характеризующим состояние сегодняшней науки, да писатель и не ставил перед собой такой задачи. Как бы предвосхитив упреки учеников, он сказал о своей книге:

«Я не собираюсь описывать его научные достижения, не мое это дело. Не о них я пишу, я рассказываю про одну человеческую жизнь, которая, как мне кажется, стоит внимания и размышлений».

В книжном варианте повести он попытался ответить сразу многим, чьи воспоминания не вошли в материалы книги: «Когда повесть была напечатана в журнале «Новый мир», я стал получать письма читателей, прежде всего людей, знающих моего героя. Если бы я писал теперь, эти сведения, конечно, можно было использовать, и, наверное, характер повести изменился. Но вещь была выстроена, закончена, и вставлять туда что-то было уже нельзя...».

Мы не беремся рассудить этот спор. Но точка зрения, что образ ученого оказался обедненным, кажется все же более близкой к истине. Несогласие с названием повести тоже. Зубром при жизни Н. В. Тимофеева-Ресовского никто никогда не звал. Эти ассоциации навеяла на писателя картина художника Рубена Габриэляна (кстати, она была на выставке в Дубне в 1973 году). Жена Елена Александровна, близкие звали его «Колюшей», ученики иногда «дедом». Вообще-то он был Учителем. А Зубр — ближе к прозвищу, чем к образу.

Споры повесть вызвала много. И на встрече, горячо обсуждая ее достоинства и недостатки, много говорили об общественном фоне, о «лысенковщине», о том, как нескоро еще вновь наберет силы обескровленная имитаторами наука генетика. Вспоминали новые и новые «байки» Николая Владимировича, и эти рассказы его учеников могли бы составить немалое приложение к повести. Кстати, почему бы ученикам не исправить видимые им недостатки, написав воспоминания об Учителе? И первые шаги уже сделаны: в Труды первых чтений памяти Н. В. Тимофеева-Ресовского включены несколько докладов с воспоминаниями учеников об Учителе. Правда, тираж их, в отличие от «Зубра», измеряется не сотнями тысяч, а всего лишь сотнями экземпляров... Первые чтения состоялись в Ереване, вторые — в Чернигове, третьи планируется провести в вновь в Ереване, четвертые — в Дубне...

«Все меняется, пишет в своей книге Д. Гранин, — трактовки, объяснения, связи, понятия гена, клетки, законы наследственности. Но есть вещи, которые остаются от ушедших ученых. Их нравственные поступки, их нравственные правила, законы их порядочности. Это... передается от учеников к ученикам учеников. Зерна чести прорастают сквозь поколения, раздвигая камни, надгробья».

Дубна, декабрь 1987 года.